

**Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического детектива»**

Лучше бы я остался бедным

Весна в Париже

Сильнее денег

Перстень Борджиа

Шутки в сторону

Дело о наезде

Запах денег

Карьера убийцы

Он свое получит

Весь мир в кармане

Ты за это заплатишь

Карточный домик

Итак, моя радость...

Без денег ты мертвец

Нет орхидей для мисс Блэндиш

Считай себя покойником

Получи по заслугам

Свобода – опасная вещь

Двойная подтасовка

За все надо платить

Не мой уровень

Реквием блондинке

Туз в рукаве

Если вам дорога жизнь

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

**ЕСЛИ ВАМ
ДОРОГА ЖИЗНЬ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

**ЕСЛИ ВАМ
ДОРОГА ЖИЗНЬ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мег проснулась внезапно, словно от толчка, хотя проспала они от силы час. Оторвала голову от рюкзака, что служил ей подушкой, и тревожным взглядом обвела залитую лунным светом пустую комнату. Над собой она увидела густую гирлянду провисшей паутины, по потолку шествовал гигантский паук.

— Жутью какой-то веет, — сказала она Чаку, когда они выломали двери. — Для привидений самое подходящее место.

Но Чак не страдал от избытка воображения. Он загоготал:

— Ну и ладно... Составим им компанию. Все лучше, чем эти чертовы комары.

На этот заброшенный дом они наткнулись, когда сошли с шоссе номер 4 в поисках ночлега. Вскоре после того, как они ушли из Гулдса, городка лимонов и картофеля, деньги у них кончились. Чак пытался подработать на одной из упаковочных фабрик, но ему дали от ворот поворот. Волосы до плеч, борода, а запах? Последний раз ему удалось помыться в Джексонвилле — для работодателей все это было никуда не годной рекомендацией.

Пустынный дом стоял в зарослях чахлах пальм и буйно растущего кустарника. Это была двухэтаж-

ная усадьба колониальных времен, крышу с фасада подпирали шесть квадратных колонн; видимо, дом когда-то принадлежал богатому южанину и производил на его гостей солидное впечатление.

Мег даже заохала: неужели хозяин не нашел покупателя на такие хоромы? И что это за хозяин такой?

— Нам-то что? — ответил на ее недоуменные вопросы Чак, подошел ко входным дверям и как следует саданул ногой по массивному железному замку. Просевшие двери открылись. Одна сорвалась с петель и грохнулась наземь, взметнув облако удушающей пыли.

Мег отпрянула:

— Не хочу я там спать... там жутко!

— Не утомляй! — Чак был не в настроении, чтобы выслушивать этот суеверный бред. Ему хотелось есть, он устал, на душе было муторно. Схватив Мег за руку, от втащил ее в пропыленную тьму.

Спать они решили на втором этаже: окна первого были заколочены досками. А на втором — стекла, хоть и грязные, пропускали лунный свет, и можно хоть как-то распаковаться. А широкая лестница, что вела наверх, — вот это да! Мег представила себе, как по этим ступеням спускается, скажем, Скарлетт О'Хара во всем своем великолепии, а снизу, из большого холла, на нее восторженно взирают поклонники и обожатели. Но этими мыслями делиться с Чаком она не стала. Она знала: он поднимет ее на смех, вот и все. Чак жил сегодняшним днем, и только. Даже будущее для него — сплошь белая пелена. И вот неведомо от чего она проснулась; сердце билось как-то неровно. Она стала вслушиваться в ночь.

Дом жил своей жизнью. Долетавший с Бискейнского залива ветер негромко постанывал под свесами

крыши. Что-то пришептывали ключья обоев. Поскрипывали половицы, где-то внизу от ветра распахнулась дверь, и проржавевшие петли визгливо просигналили об этом.

Мег еще минутку прислушивалась, потом, хотя тревога и не улеглась, решила: надо спать. Она посмотрела на Чака: он лежал на спине, рот приоткрыт, прядь длинных невымытых волос упала на лицо. Даже со своего места она чувствовала его запах, но что поделаешь? От нее и самой небось пахнет не лучше. Ладно, вот доберутся они до моря, искупаются, и проблема отпадет сама собой.

Она подняла глаза к потолку, вытянула длинные ноги, провела рукой по пышной груди, укрытой протертым до дыр грязным свитером.

Она уже привыкла к жизни, полной лишений, привыкла довольствоваться малым. Тут были свои преимущества; по крайней мере, она вольна идти куда хочет и жить как хочет, а для нее это уже немало.

Она вспомнила отца, работавшего за гроши страховым агентом, занудную матушку. До семнадцати лет она мирилась с ними, хотя уже в четырнадцать решила: уйдет из дому, едва почувствует в себе силы уйти. Этот затхлый мирок среднего класса — она в нем просто задыхалась. И когда в ее жизни появился Чак, она сказала себе: пора.

Чак был старше ее на четыре года. Она тогда отправилась в кино, одна — такое случалось редко, подружек всегда хватало. Но именно в тот вечер ей хотелось побыть одной. Родителям она сказала, что идет в кино с Ширли. Родителям надо было всегда знать, с кем она идет и куда, и она всякий раз им врал, потому что знала: им и в голову не придет проверить — простофили. Она врал, даже когда шла куда-то с Ширли, говорила, что идет с Эдной. Пуд-

рить мозги родителям — в этом был особый смак. Да они небось и не слышали, что она им говорила. Сидят себе, уткнувшись в телевизор, и всегда одно и то же напутствие: «Счастливо, милая, гуляй, только не поздно». Ее так и подмывало сказать, что сегодня у нее свидание с Фрэнком Синатрой, — ведь и ухом бы не повели!

Фильм оказался страшной скукотищей, она не высидела и половины, ушла. Но на улице стала себя корить. Ведь еще только девять часов. Ну ушла из кино, а что дальше? Вечер душный, знойный, да и не бродить же по улицам. А идти некуда, разве что домой... Но провести вечер с родителями за телевизором — такого она не могла пожелать даже врагу.

— Не скучно одной?

Перед ней, шагнув из тени, появился Чак. Она окинула его оценивающим взглядом. Мужчин для своего возраста она повидала немало и позволяла им многое, но последний рубеж — девственность — не сдавала. Ей нравилось тискаться в машине, отчаянно сопротивляться и в конце концов сдавать позицию за позицией — кроме последнего бастиона. Мать столько раз предупреждала ее от незнакомых мужчин держаться подальше, что это предупреждение стало поперек горла.

По-своему Чак был привлекателен. Невысокий, коренастый, крепко сбитый. Длинные рыжеватые волосы и борода пришлись ей по вкусу. Лицо независимое, беззаботное, при всей неправильности черт красивое. В нем чувствовалось мужское начало.

Они пошли на пляж, выкупались нагишом. Чак совершенно не стеснялся своей наготы, чем убил в Мег последние остатки робости, — она сняла с себя одежду.

Когда они добрались до моря, он предложил: «Поплаваем?» Тут же разделся донага и, не успела Мег

прийти в себя, бросился в воду. Поколебавшись мгновение, она последовала его примеру, а потом уступила его настойчивым ласкам.

Первый в ее жизни акт любви прошел с блеском. Недостатков у Чака хватало, но доставить удовольствие женщине он умел.

— Ты мне нравишься, Мег, — сказал он, когда, исчерпав любовный пыл, они лежа отдыхали друг подле дружки.

— Деньги у тебя есть?

Вскоре выяснилось, что Чака по-настоящему интересуют лишь две вещи: деньги и женщины. У Мег и вправду было отложено триста долларов — дарили богатые родственники, вот она и скопила за многие годы — «на черный день», как говаривала ее мамаша. Черный день пока не наступил, но стоит ли ждать его прихода?

Чак сказал ей, что собирается во Флориду. Хочет погреться на солнышке. Нет, ничем особенным он не занимается. Когда деньги кончатся, устраивается на работу — какая подвернется; как немножко отложит, сразу снимается с якоря. Для него такой образ жизни в самый раз. А для нее? А ведь, пожалуй, тоже. «Трех сотен, — сказал Чак, — нам хватит на целую вечность. Давай двинем во Флориду вместе?»

Именно этой минуты Мег ждала весь последний год. Вот он — мужчина, который ее волнует, и на жизнь у них взгляды сходные. Сильный, самостоятельный, да и любовник что надо. Уговаривать ее не пришлось.

Они договорились встретиться назавтра на автовокзале — и вместе рвануть во Флориду.

На следующее утро, когда мать ушла по магазинам, Мег побросала в рюкзак свои нехитрые пожитки, черкнула записку, что назад не вернется, позаим-

ствовала пятьдесят долларов, которые «на черный день» держал в доме отец, — и покинула родительский кров навсегда.

Триста долларов плюс пятьдесят отцовых кончились довольно быстро — какая там вечность! Среди прочих слабостей Чака числилась неукротимая страсть к азартным играм. Мег с замиранием сердца следила, как Чак беззаботно просаживал ее деньги, играя в кости с двумя парнями, которые прилепились к ним по пути в Джексонвилл. Когда в ход пошли последние пятьдесят долларов, Мег дрожащим голосом пролепетала: «Может быть, хватит?»

Парни посмотрели на Чака. Старший из них спросил:

— Ты что же своей бабе командовать позволяешь?

Чак прижал к лицу Мег широкую, короткопалую ладонь и как следует толкнул — Мег полетела вверх тормашками, ударилась о кочковатую землю, да так, что едва дух не вышибло. Когда она очухалась, Чак уже проигрался в пух и прах, а два парня с ее деньгами растворились в вечерней тьме.

— Да деньги на то и придуманы! — огрызнулся Чак в ответ на ее жалобный вопль. — Нечего тут ныть! Найдем деньги... их кругом полно, только не зевай.

Они подрядились убирать апельсины и вкалывали на жаре целую неделю, пока не наскребли тридцать долларов. Потом снова двинули в сторону Майами.

Но и этих денег хватило ненадолго: надо было что-то есть, платить за дорогу. Сейчас у них не осталось ни гроша, и Мег здорово проголодалась. Вот уже двенадцать часов во рту у нее не было и маковой росинки. Последним из того, что она съела, был поджаренный на прогорклom масле гамбургер... и все же

пока она ни о чем не жалела. Да, пусть она грязная, голодная, бездомная, но это куда лучше, чем жить в постылой тюрьме, которой правят ее родители.

Ничего, завтра что-нибудь подвернется. Чак что-нибудь придумает. Она снова примостилась поудобнее, собираясь заснуть, и снова вздрогнула, подняла голову.

На первом этаже кто-то ходил!

Она ясно услышала скрип кожаной подошвы, и сердце ее учащенно забилось. Подвинувшись к Чаку, она взяла его руку и легонько ее встряхнула:

— Чак!

Он застонал, отбросил ее руку и стал переворачиваться на другой бок, но она снова тронула его за запястье:

— Чак!

— Ну какого хрена! — Он проснулся, приподнялся на локте. Даже в такую минуту исходивший от него запах грязи и пота заставил ее наморщить нос. — Чего тебе?

— Внизу кто-то ходит.

Она почувствовала, как напряглись его стальные мышцы, и успокоилась. Перед его физической силой она благоговела.

— Слушай! — прошептала она.

Сбросив ее руку, он поднялся. Бесшумно ступая, подошел к двери и приоткрыл ее. Она смотрела на его широкую спину. Он чуть пригнулся, словно из готовился к прыжку, и страхи ее улеглись. Он долго вслушивался, потом закрыл дверь и вернулся.

— Да... ты права. Там кто-то есть... может, фараон.

Она уставилась на него:

— Фараон?

— Мы же нарушаем право собственности. И если какому-то фараону неймется... — Он прикусил

нижнюю губу. — Нас вполне можно упечь за бродяжничество.

— Мы же ничего плохого не делаем... бродяжничество?

Но Чак ее не слушал. Из кармана брюк он вытянул какой-то предмет и сунул его в руку Мег:

— Засунь себе в трусы. Если это фараон, лучше пусть у меня этого не будет, а то еще найдет...

— Чего «этого»?

— Ножа, бестолковая!

Он подошел к двери и неслышно открыл ее. Мег видела, как он вышел, остановился у начала ступеней. Потом она перевела взгляд на костяную рукоятку ножа с хромированной кнопкой и непроизвольно нажала на кнопку. И тут же вздрогнула: из рукоятки выщелкнулись три дюйма мерцающей стали. Она понятия не имела, как убрать лезвие обратно в рукоятку, поэтому подскочила на ноги, прошла в другой конец комнаты и спрятала нож под кучу ободранных, заплесневелых обоев. Потом вышла вслед за Чаком. Он сделал ей знак: тихо! Так они стояли не шевелясь и вслушивались. Но, кроме гулкого тиканья собственного сердца, Мег ничего не слышала.

— Пойду вниз, — прошептал Чак.

Мег вцепилась ему в руку:

— Не надо!

Казалось, он только этого и ждал. Похоже, он был испуган не меньше ее, и она в нем слегка разочаровалась. Они еще некоторое время прислушивались, и тут из комнаты слева от холла донесся ясный звук шагов. Человек — виден был лишь темный силуэт — вошел в холл. Заметив красный огонек сигареты, Чак сразу успокоился. В любом случае это не фараон. Фараоны на дежурстве не курят.

— Кто там? — спросил он, и Мег его голос показался строгим и зычным.

На минуту наступила пауза. Тусклый силуэт не двигался, потом на них ударил луч мощного фонаря, заставив отпрянуть. Через секунду-другую луч исчез, и они вообще перестали видеть что-либо.

— Дай нож, — прошептал Чак.

Мег, спотыкаясь, вернулась в комнату, добежала до груды обоев и нашла нож.

— Я увидел, дверь открыта, — объяснял мужской голос снизу, когда Мег встала рядом с Чаком, — вот и вошел.

Жаркие, вспотевшие пальцы Чака сомкнулись на рукоятке ножа.

— Как вошел, так и выходи, — прорычал он. — Мы тут по праву первого. Так что проваливай!

— По-моему, тут всем хватит места. У меня еда есть. А одному ужинать неохота.

При мысли о еде у Мег сразу закололо в желудке, потекли слюнки. Она стиснула руку Чака. Он понял ее — ведь и сам как следует проголодался.

— Я думал, ты фараон, — миролюбиво объяснил он. — Поднимайся сюда.

Человек ушел в комнату возле холла и тут же вернулся, неся рюкзак. Подсвечивая себе фонарем, начал подниматься по ступеням.

Чак ждал его с ножом в руке, отпихнув Мег подальше, к комнате, в которой они спали. Она застыла в дверях, с бьющимся сердцем наблюдая, как приближается непрошенный гость.

Не спускал с него глаз и Чак. Он видел лишь высокий силуэт: человек был на голову выше Чака, но худощав и отнюдь не широкоплеч. «В случае чего управимся», — решил Чак.

— Дай фонарь.

Человек протянул ему фонарь. Перехватив его, Чак резко направил луч в лицо пришельца.

Увидев это лицо, Мег оцепенела. Перед ними стоял индеец-семинол. По дороге из Джексонвилла им встретилось несколько индейцев этого племени, и сейчас она узнала эти густые иссиня-черные волосы, темную кожу, выступающие скулы и узкие черные глаза. Индеец был красивый и молодой — года двадцать три или двадцать четыре, только лицо какое-то бесстрастное, застывшее, окаменевшее, и Мег стало не по себе. На нем была желтая рубашка в белый цветочек, темно-синие джинсы, коричневые стопы обуты в веревочные сандалии-плетенки.

Он стоял спокойно, позволяя им разглядывать себя. В свете фонаря Мег показалось, что в глазах его тлеет огонь.

— Как тебя зовут? — спросил Чак, направив луч фонаря на пол.

— Пок Тохоло, — ответил индеец. — А тебя?

— Чак Роджерс... А это моя девушка, Мег.

— Давай ужинать.

Освещая путь фонарем, Чак повел незваного гостя в комнату. Мег уже сидела там возле своего рюкзака, а желудок ее посылал сигналы бедствия.

Пок бухнул свой рюкзак на пол, склонился над ним, развязал тесемки, достал из него две свечи и прилепил к полу. Потом забрал у Чака фонарь и убрал его в рюкзак, а на свет извлек пластиковый пакет, в котором лежали аппетитный жареный цыпленок и несколько кусков ветчины.

— Эй! Откуда такая роскошь? — воскликнул Чак, выпучив глаза. Он даже вспомнить не мог, когда в последний раз ел цыпленка.

Пок взглянул на него:

— Какая тебе разница? — Он ловко поделил цыпленка на равные части, орудуя ножом с костяной рукояткой.

Ели они молча, вгрызаясь в цыпленка с яростью и удовольствием. Мег заметила, что индеец то и дело поглядывал на Чака. В ее сторону он не взглянул ни разу.

Покончив с трапезой, Чак откинулся на спину, уперся локтями в пол.

— Ну, брат! Славно подхарчились! Ты куда путь держишь?

Пок достал пачку сигарет.

— В Парадиз-Сити. А вы?

— В Майами вроде собирались.

Они прикурили от пламени свечи.

— А работа там у тебя есть? — спросил Пок. Он сидел, скрестив ноги, уперев руки в колени.

— Найду.

— Так уверен? — Пок внимательно посмотрел на Чака. — Фараоны всякое отребье не жалуют.

Чак застыл, оцепенев от такой наглости:

— Ты это меня назвал отребьем?

— А кто же ты есть? Весь грязный, и воняет от тебя.

Мег вздрогнула. Ведь сейчас Чак кинется на этого индейца с ножом! Но Чак, как ни странно, остался сидеть на месте.

— По мне, лучше быть отребьем, чем краснокожим дикарем, — подал голос он. — Думаешь, тебе работу на тарелочке поднесут?

— Мне работа не нужна.

Чак насторожился:

— У тебя что же, деньжата водятся?

Пок кивнул.

— И сколько? Десять долларов? Спорить буду, что не больше!

— Завтра я покупаю машину.

Чак присвистнул сквозь зубы.

— Машину? Какую?

Пок пожал плечами:

— Что-нибудь подешевле... подержанную. Главное, чтоб ездила. Мне нужна машина.

— Мать честная! — Чак долго смотрел на индейца, что-то обдумывая. — Слушай! А что, если нам втроем сколотить компанию? Доберемся вместе до Парадиз-Сити... Что скажешь?

Мег, слушая, восхитилась Чаком — молодец, без комплексов. Так и надо. Не попросишь — не получишь.

— А зачем нам объединяться? — после паузы спросил Пок.

— Хуже-то тебе не будет. Одному в дороге — тоска. А с нами — все веселее.

Пок поднялся, отнес рюкзак в дальний конец комнаты, подальше от Чака и Мег, и там уселся на пол.

— Ты что, глухой? — крикнул Чак. — Хуже-то тебе не будет!

— Подумаю. А сейчас я хочу спать. Задуйте свечки... они денег стоят. — И Пок вытянулся на полу, повернулся к ним спиной и положил голову на рюкзак. Чак и Мег переглянулись.

Мег задула свечи. Над ними сомкнулась тьма. Прошло несколько минут, прежде чем их глаза привыкли к лунному свету. Пок как будто уже заснул. По крайней мере, дышал он ровно и спокойно.

Улеглись и Чак с Мег.

Утолив голод, намытарившаяся за день Мег заснула мгновенно, а Чак... Чак и не думал спать, мозг его вовсю трудился.

Блефует этот индеец или нет? Неужто и вправду собирается покупать машину? Может, он решил пустить им пыль в глаза... а если нет? Тогда деньги либо на нем, либо в рюкзаке.